

Кривая тропа

(СЕЛЬСКИЕ ЗАРИСОВКИ)

В этом колхозе мне приходилось бывать и раньше, но, не надеясь на память, я решил расспросить о дороге у бабушки, которая на окопице дер. Прокунино добродушно и незлобно ругала внука:

— Я вот тебя, ступай, говорят, домой.

Парнишка, лет 6, упирался, однако, побаиваясь бабки, двигался за ней. Старушка объяснила мне, куда идти.

— Вот, милый, иди по этой дороге, да не сворачивай, а за леском и Патракеево увидишь.

Хотя я давно понял, как идти, бабка долго ещё растяковывала всякие приметы и подробности дороги. «Вот ведь какая говорливая, — подумалось мне, — всё ведь уже ясно, а говорит и говорит».

Раскисшая от вчерашнего дождя дорога, раздвинув клеверное поле, юркнула в реденький ельник. Наткнувшись на сухую тропу, я решил идти по ней, думая, что сокращу дорогу, да и шагать было легче. Вскоре редкий ельник смешался с довольно густым березняком и ольшаником. Потом тропа захирела. Я пошёл влево искать дорогу, но заблудился по-настоящему и зашагал наугад.

— Вот, дурак, не послушал бабку!

Пошёл дождь. Кругом виднелся уже не реденький ельник, а настоящий лес.

Проплутав много времени, усталый, промокший и злой, я вышел, наконец, в поле, совсем с другой стороны д. Патракеево. День был почти потерян...

Левее деревни виднелось гро-

мадное пшеничное поле. Многие его участки были до того густыми, что казалось колосья растут без стеблей, плотной массой, прямо из земли. Золотистые, с шоколадным отливом, они были недвижимы, словно присмирев в ожидании своей участки. «Центнеров по 12 с гектара будет, — подумалось мне, — почему же на поле никого не видно?» Неподалеку, в другом поле чернели полосы зяблевой вспашки. Колёсный трактор сиротливо и безмолвно стоял в борозде, трактористов не было. Своим видом трактор как бы говорил, что будь ты хоть тысячесильным, а без людей ни туда, ни сюда...

Машину без человека... Что в ней толку? Безжизненно без людей и поле чудесной пшеницы. Но где же всё-таки люди? Войдя в деревню, я повернулся к крайнему домику. Пожилая женщина, выходя из огорода, с любопытством посмотрела на меня:

— Народ-то где? Не знаю, батюшка, да и народу у нас в деревне мало.

— Ну, а у вас какая семья?

— Одна я, батюшка, детки в Вологде живут.

— Чего ж вас бросили детки?

— Пошто, батюшка, бросили. Не бросили. Приедут на выходной, привезут батончиков да сахарку — вот и живу.

В другом доме я увидел двух женщин. Они поработали до обеда на расстиле льна в другой деревне, а больше, по-видимому, идти на работу не собирались. Разговорились о людях, работающих на производстве, но не порвавших с деревенским хозяйством.

— Чего ж вы распустили людьё?

— А кто их распускал? Сами разъехались, кто как сумел...

— Ну, а в колхозе как дела идут?

— Работаем. Ржи вот дали по трудодням, по 5 рублей на льняный трудодень авансируют.

— Косить не даёт председатель, — добавила другая женщина, — а ведь все равно пропадает трава. И чего жалеет?

... В кабинете колхоза (д. Огарково) счетовод Алексей Васильевич Носенков энергично постукивал костяшками счетов. На отвороте его хлопчатобумажного пиджака поблескивал рубиновой эмалью орден Великой Отечественной войны. Да и в разговоре Алексей Васильевич употреблял слова и термины, отдающие давно улегшимся военным дыром. На вопрос где председатель, Алексей Васильевич коротко ответил:

— В районе Подсосенья.

— А бригадир первой бригады?

— А бригадир в районе Орлова.

Это «в районе» звучало по-военному энергично и кратко. Алексей Васильевич рассказывал о финансовых трудностях в колхозе. Купили технику — денег надо уйму. Колхоз задолжал государству около 600 тысяч рублей. Не закончены расчёты за работы механизаторов: не успеет несколько тысяч поступить на счёт — их уже перечислили МТС...

В кабинет зашли двое парней. Они работали на пилораме. И снова разговор о деньгах:

— Заплатите по-настоящему, так будем работать...

Когда это началось? Когда мерой оплаты сельского труда стал не гибкий маневренный трудодень, а звонкий чистоганский рубль? «Заплатите по-настоящему, так будем работать».

Эта вскользь брошенная фраза весьма характерна для сегодняшнего дня артели. И, странно, к этому привыкли. Не удивляется и счетовод Алексей Васильевич Носенков, сельский депутат, бывший фронтовик. А ведь война продолжается, война за благополучие сельских тружеников, за укрепление артелей. И в этой войне, как и тогда, в годы жестокой военной страды, нужны решительные и мужественные солдаты.

На 5 часов вечера намечено заседание правления, и я пошёл в одну бригаду. По дороге к д. Дор — снова неубранные поля овса и пшеницы. Комбайн стоит на полосе, в бункере мешков шесть хорошего зерна. Комбайнеров нет. В д. Дор посреди улицы — синекрылая жатка, так и просится в поле, в золотую гущу хлебов. Но жатка безмолвствует, только на её с круглыми дырочками сиденье взобралась мальчишка и пробует рычаги. Моложавая женщина прошла с вёдрами воды на водоносце. В окошке дома показалась голова девушки, склонённая, вероятно, над рукоделием. У

магазина мне встретился пьяный, еле стоящий на ногах мужчина. Он бормотал что-то бессмыслицное и, увидев меня, нечленораздельно произнёс:

— Хм, мистер-твистер...

Может быть и вправду моя кепка напоминала панаму американского туриста, описанного в известном стихотворении Маршака. Но кем был этот пьяный? Он оказался бригадиром Николаем Кузнецовым. На правление он не пришёл, так как не мог прийти в самом прямом смысле.

Между тем в кабинете собирались несколько других бригадиров и членов правления. Разговор шёл о расстиле льна, так как в этом деле создалось самое угрожающее положение. Идёт последняя пятидневка сентября, а половина льна в колхозе не разостлана.

— Василий Александрович, — обратился председатель к одному из бригадиров, — когда лён достелите?

— 10 октября.

— А ведь ты обещал на днях достать.

— Я обещал доставить при условии, что все колхозники будут работать и как следует.

— А что нужно для того, чтобы люди работали как следует?

Последовало молчание.

В д. Орлово также дело с расстилом движется плохо.

— Лидия Павловна, — обратился председатель к бригадиру 1-й бригады, — завтра всех людей направишь в Орлово и пусть ваши женщины утрут нос орловским.

Орловский бригадир ухмыльнулся в ответ на шпильку, но промолчал.

Потом речь зашла о работе сушилки. Сушильщик Зязин объявил, что сушилка сегодня стала, так как девушки, назначенные на работу, ушли домой, не стали работать... Интересно, что такие случаи в колхозе сплошь-да-рядом. Так, недавно самовольно ушла с работы доярка Глафира Жабчикова. Бросив стадо, она спокойно занималась своими делами.

Правление так и не состоялось. Председатель Александр Васильевич Кузнецов хмуро сидит за столом и беспрестанно курит.

— Настроение? Настроение неважное.

Кажется и дополнительная оплата хорошая, а всё равно люди неохотно идут на работу...

В колхозе 840 гектаров пашни и 460 сенокоса. Трудоспособных членов артели меньше ста человек. А в прошлом году 17 колхозников не выработало даже минимума трудодней. А такие как Виталий Водополов — вообще не работают. Каждую субботу десятки колхозниц с бидонами молока, творога, сметаны идут на станцию Волоцкое,

едут в Вологду торговать. Привычка. Традиция. А лён не разостлан, перестаивают хлеба, выращенные с таким трудом.

— Не знаю уж, что тут и делать, — говорит Лидия Павловна Виноградова, бригадир 1-й бригады. Мы идём с ней по скользкой обочине к деревне Патракеево.

— 15 лет работаю бригадиром, председателей восемь сменилось за это время, — продолжает она.

— А люди?

— Что, люди. Колхозники боятся, что опять ничего не причитается на трудодень.

— Но ведь без колхоза-то всё равно нельзя жить!

Лидия Павловна соглашается с этим. Жить без колхоза нельзя, и дорога перед колхозниками одна — колхозная. Но беда в том, что многие колхозники отшатнулись от этой дороги, идут по своей тропе. Конечно, куда легче съездить в Вологду, поторговать молоком. Потруднее разостлать лён и убрать пшеницу...

И всё-таки в артели большинство колхозников хорошие, честные труженики, идущие по настоящей дороге. И, может быть, я не сумел написать о них только из-за того, что идя в колхоз заблудился на кривой тропе, затерянной в тишине осеннего леса.